

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-345-367>

<https://elibrary.ru/SSJAGE>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

В.В. Мильков

ОТНОШЕНИЕ К РОСТОВЩИЧЕСТВУ НА РУСИ В XII СТОЛЕТИИ

Аннотация: В статье на основе большого количества исторических источников анализируется отношение древнерусского духовенства к ростовщичеству (главным образом в XII в.). Специально и подробно классифицируются соборные постановления, которыми руководствовались древнерусские иерархи, опиравшиеся на переводные номоканоны. Установлено, что некоторые иерархи не проявляли строгости к искоренению греха лихоимства (новгородский епископ Лука Жидята, новгородский архиепископ Нифонт, митрополит Никифор). Но были и непримиримые преследователи ростовщиков (новгородский архиепископ Илья-Иоанн). Парадокс заключался в том, что иерархи ориентировались на выборочные рекомендации церковного законодательства, которые значительно отличались друг от друга. Проблема была острой и социально значимой. На этой почве вызревали потрясения в древнерусском обществе. Взрыв произошел в Киеве, где в 1113 г. разразилось антиростовщическое восстание. Беспорядки прекратил Владимир Мономах, которого призвали на великокняжеский стол. Он же предпринял меры по пресечению наживы за счет гигантских процентов. В обстановке 1113 г. он разработал «Устав о резах», который был включен в «Русскую правду». Однако резоимство им не было поставлено вне закона. Он только ограничил «великий рез», облегчив положение должников. Наиболее принципиальную антиростовщическую декларацию изложил в своем «Вопрошании» Кирик Новгородец. Он дипломатично сумел показать, что его патрон Нифонт занимает примиренческую позицию, а под призывы к милосердию порой допускает процент больший, чем это было установлено Мономахом. Не потеряла своей актуальности проблема и в последующие годы. Поскольку на фронте борьбы с ростовщичеством господствовала непоследовательность и благодущие, грех резоимства продолжал существовать веками. Партия непримиримых борцов с пороком оказалась и немногочисленной, и не слишком влиятельной.

Ключевые слова: ростовщичество, антиростовщическое восстание 1113 г. в Киеве, устав Владимира Мономаха о резах, непоследовательность в борьбе с пороком.

Vladimir V. Milkov
**ATTITUDE TO USURY IN OLD RUSSIA
OF THE 12TH CENTURY**

Abstract: In the article based on a large number of historical sources, the author analyzes the attitude of the Old Russian hierarchs to usury (mainly in the 12th century). Church rules on the usury sin are analyzed in detail. The Old Russian hierarchs were guided by the rules of the translated nomokanons. It was established that some hierarchs did not show rigor to eradicate the sin of lichoism (Novgorod bishop Luka Zhidyata, Novgorod archybishop Nifont, metropolitan Nikifor). An irreconcilable fighter against moneylenders was the Novgorod archbishop Ilya-Ioann. Hierarchs focused on different recommendations of church rules, which differed significantly from each other. This explains the paradox of difference. In 1113, an uprising broke out in Kiev against moneylenders. Riot was stopped by Vladimir Monomakh, who was called to the Grand Duke's table. He also took measures to prevent profit at the expense of gigantic interest. In the situation of 1113, he developed the *Charter on Cuts*, which was included in the *Russkaya Pravda (Russian Justice)*. However, the usury was not outlawed by Monomakh. He only limited the "great rez (cut)," alleviating the position of debtors. The most basic anti-usurious declaration was stated in *Asking* by Quiricus of Novgorod. Problem of usury sin did not lose relevance in subsequent years. Since the party of principled fighters against usury was small and did not win influence, sin continued to exist for centuries.

Keywords: usury, anti-growth uprising of 1113 in Kiev, Charter of Vladimir Monomakh on cuts, inconsistency in the fight against usury.

В современной историографии найдется немного работ, посвященных анализу конкретных проявлений древнерусского лихоимства. Можно констатировать, что предлагаемые подходы исследователей к теме неоднозначны. В ряде работ феномен ростовщичества рассматривается с точки зрения христианских догматов, где формулируется идеал Нагорной проповеди, приравнивающий ссуду милостыне без надежды возвращения долга (Лк. 6: 34–35). Верно постулируется, что прямой запрет на дачу денег в рост в христианстве для мирян отсутствовал, а под санкции подводились только лица духовного сана [7, с. 159–168]. Но даже тогда, когда исследователи в полной мере учитывают нравственные установки доктрины, заметна тенденция рассматривать взимание процентов, прежде всего, как социально-экономическое явление. Исторической конкретики в этих

работах мало. Практика взимания долговых процентов рассматривается в самых общих чертах на нескольких общеизвестных по трудам В.Н. Татищева, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других корифеев исторической мысли примерах (восстание 1113 г., древнерусское законодательство). Авторы ограничиваются общими оценками и не делают попыток проникновения в сложную суть явления.

В исторических работах по теме ростовщичества неоднократно можно встретить утверждение, что церковь отрицательно относилась к лихоимству. Несостоятельность подобного мнения наглядно демонстрируют исследования, в которых рассматриваются случаи монастырских ссуд под проценты и закабаления должников. Особенно отличался этим Иосифо-Волоколамский монастырь [11, с. 91–97; 14, с. 62–76]. Аналогичная практика была характерна и для других монастырей. Оформлявшийся в рамках ростовщичества кабальный заклад был способом быстрого приращения земельных владений монастырей. По сохранившимся статистическим данным среди доходов Соловецкого монастыря, например, ростовщичество почти вдвое уступало феодальной ренте, а Новгородский Юрьев монастырь был способен выдавать крупные займы и субсидировал поход ополчения Минина на Москву [2, с. 31–35; 3, с. 24–382; 6, с. 530 (табл. 62); 12]. Можно считать бесспорным, что стремление обеспечить процентный доход при оформлении долговых обязательств получило широкое распространение в обителях. Ростовщическая практика подвергалась резкой критике со стороны нестяжателей. Вассиан Патрикиев обличал иосифлян за дачу денег в долг, а Максим Грек приравнивал стяжание монастырей «иудейскому сребролюбию». Широкий размах монастырского ростовщичества позволяет рассматривать русские средневековые обители предшественниками банков.

Более или менее систематическое изложение фактов древнерусского ростовщичества в разные исторические периоды находим в одной из интернет-публикаций по теме, где предлагается панорамный взгляд на явление. Исторический обзор А. Пасынкова по объективным причинам фактурно значительно богаче библиографических отсылок на исследование поднятых сюжетов о процентном доходе [10]. Многие другие интернет-публикации основаны на заимствованиях из этой работы.

Ценнейшие сведения о распространении лихоимства среди мирян сообщают найденные при раскопках берестяные грамоты, в которых фиксируются как долги, так и взыскание долговых процентов. Появилось и исследование, в котором анализируются формы коммерческой деятельности новгородцев-мирян по извлечению прибыли на основании процентных ставок по займам. В единственной пока работе на богатой эмпирической основе берестяных документов методом статистической обработки и сравнительного анализа установлено, что из общего числа найденных до 1989 г. грамот XI — первой четверти XIII в. 50 штук относятся к числу заемных записей [9, с. 94–95]. Автор характеризует денежные единицы, применявшиеся в расчетах, а также терминологию финансовых сделок («наим», «исто», «дльжница») [9, с. 88, 91]. Дается четкое представление о различных формах ростовщической деятельности.

Особо следует отметить, что публикаторы берестяных документов подробно характеризуют ростовщические операции мирян и процентные ставки прибыли в их коммерческой деятельности. При введении в оборот текстов они наглядно показали, что при займах фигурировали разные процентные ставки. Например, согласно грамоте № 915 долг на короткое время мог не облагаться «резом» совсем и только задержка выплаты займа каралась выплатой лихвы «в половину» [16, с. 106–107]. Но практиковался и 100% рост на взятую в долг сумму. Грамота № 776 сообщает, что заемщик 3 кун должен вернуть 6 [16, с. 106–107]. Видимо, для своих позволялось устанавливать щадящий процент на долг. Подобный порядок демонстрирует грамота № 775. Она сообщает, что 2 гривны облагались комиссионными из 8 кун (это мало, ибо гривна соответствовала 50 кунам) [15, с. 67–68].

В публикациях берестяных документов описываются разные ситуации ростовщических сделок: напоминание о взимании процентов («отдал ли нам всю лихву?» — грамота № 736), списки должников ростовщикам (грамоты № 526, 789), отказ платить лихву («не дал мне реза» — грамота № 574) и угрозы судом должникам (грамота № 806). В общем и целом, публикаторы воспроизводят картину ростовщических практик мирян. На конкретных материалах они показывают, что количество документов ростовщического характера велико и делают вывод о масштабности явления в средневековой новгородской повседневности. К сожалению, публикаторы смещают свой интерес на

филологические и экономические признаки берестяных источников, что ограничивает характеристики признаков самого явления.

Как видим, полного историографического покрытия темы древнерусского ростовщичества мы не имеем. Сложных и противоречивых процессов, происходивших в практиках назначения и взимания долговых процентов, исследователи в комплексном плане не касались. Поэтому обратимся к анализу конкретных материалов XII столетия.

Обретение скверного прибытка относилось к числу деяний социального зла. На искоренение (или ограничение) этого порока были направлены специальные канонические постановления. Данная тема, ввиду широкой распространенности в христианском мире практики приращения денег средствами судного процента, поднималась в проповедях церковных писателей, сборниках канонических предписаний и епитимийниках. Болезнь корыстолюбия была глубоко укоренена в древнерусском обществе, а порой порождала крупные социальные катаклизмы. При этом единообразия отношения к практике приращения денег за долги не наблюдалось, при том, что существовал обширный комплекс рекомендаций духовных властей, а в условиях Руси еще и со стороны древнерусского государства.

На злободневность этой проблемы обращает внимание в своем «Вопрошании» Кирик и подробным образом воспроизводит рекомендации владыки Нифонта на этот счет. Они изложены следующим образом: «**Ѧ** **н**а**н**мъ **д**ѣ**л**а **р**ек**ш**е **л**их**в**ы . **т**а**к**о **в**ел**л**аше **о**у**ч**и . **а**же **п**о**п**а . **т**о **р**ци **к**моу . **н**е **д**осто**н**тъ **т**и **с**лоу**ж**ити . **а**ще **т**о**г**о **н**е **о**ста**н**еш**и** . **а** **к**же **п**ростъ**ц**а . **т**о **р**ци **к**моу **н**е **д**осто**н**тъ **т**и **н**а**т**и **и** **н**а**м**ъ . **м**нѣ **р**ци **г**рѣ**х**ъ **н**е **м**ол**в**и**ш**е . **д**ажь **н**е **м**о**г**оу**т**ь **с**л **х**а**б**и . **т**о **р**ци **н**мъ **б**о**у**ди **м**л**д**и . **в**ъ**з**м**е**те **л**ег**к**о . **а**ще **п**о **ѣ** . **к**у**н**ъ **д**а**л**ъ **к**си . **а** **г** . **к**о**у**ны **в**ъ**з**м**и** . **и** **л**и **Ѧ** » (ГИМ. Син. 132. Л. 519 б – 519 в).

Данный фрагмент «Вопрошания» резко выделяется на фоне других статей, написанных в форме вопрос – ответ. Кирик здесь себя не обозначил, но совершенно ясно, что данная проблема специально обсуждалась и наш «вопрошатель» фиксирует не случайно подмеченное мнение владыки, а вполне развернутые его соображения о лихоимстве. Вторая особенность — это поразительно снисходительное отношение Нифонта к ростовщичеству, которое заметно отличается от рекомендаций других архипастырей и канонических постановлений на этот счет. Такое впечатление, что Кирик понимает это, поэ-

тому сознательно уходит в тень и просто фиксирует — вот проблема и вот ее оценка архипастырем. Будучи знатоком церковных правил, Кирик даже не поднимал вопроса о церковных нормах, относящихся к ростовщичеству, хотя по другим проблемам он нередко ссылался на известные ему постановления, сопоставлял не сходные между собой рекомендации церковных правил или даже обосновывал собственную и отличную от владычной точку зрения. Здесь же он просто «вбрасывает» суждение главы новгородской епархии. Каждый волен составить свое мнение, насколько рекомендации соответствуют задачам искоренения зла лихоимства. В таком виде острейшая для Руси и для торгового Новгорода проблема была поставлена.

В «Вопрошании» Кирика ростовщичество обозначается понятием **лихува**. В древнерусских текстах это слово употреблялось со значением ‘рост’, ‘проценты’, ‘прибыль’, ‘прибавка’. Соответственно **въ лихуву дати** означало ‘давать под проценты, в рост’ [23, с. 245–246]. Именно в такой форме звучит запрет на ростовщичество в одной из древнейших русских книг — «Изборнике 1076 года»: **«И не давати сребра свокго въ лихвоу. ни иного ничьсо же на умножениѣ пишта.»** [19, с. 473]. Памятник фиксирует как монетарное ростовщичество, так и практику дачи не денежной ссуды с взиманием натуральных форм прибыли. Подобные формы обложения лихвой заемного хлеба и других продуктов упоминаются еще в Лев. 23: 19; 25: 37. Запрет на подобные операции, как на разновидность ростовщичества, накладывался уже решениями Карфагенского собора: «...не будет позволено брать в рост от кого-либо вещи» (Карф. 5). О «вещах в долг» см. также Карф. 21. «Изборник» относит **лихуманиѣ** (денежное и натурой) к числу запретных поступков. Согласно тексту, ростовщичество поставлено в один ряд с такими пороками, как погубление ложными клятвами, воровство, блуд, пьянство и ненасытство: **«Отъвръзѣмъ ѿ себе всьскоу зъловоу. гарость клеветы лъжу. татьбоу блодъ пианьство. несытость лихуманиѣ.»** [19, с. 656–657]. В «Изборнике 1073 года» лихоимание рассматривается как разновидность грабежа [18, л. 85 б]. По сути дела, взимание процентов и являлось способом отъятия и присвоение чужого.

Грех ростовщичества фигурирует в обширном круге древнерусских сочинений. В «Поучении» епископа Луки Жидяты (епископ с 1036 г., ум. 1059 г.) запрет на лихву формулируется в самом общем

виде: «**МЪЗЫ НЕ ЄМЛИТЕ, ВЪ ЛИХВЪ НЕ ДАИТЕ**» [4, с. 164]. Никаких дисциплинарных мер владыка не предлагает, он просто высказывает пожелание новокрещеной пастве, не проявляя архиерейской строгости ни к этому, ни к другим грехам своих чад. В «Вопрошании» также отсутствует санкция на врачевание пагубного недуга. Но в смысловом плане текст, записанный за архипастырем Кириком Новгородцем, более объемный, насыщен важной конкретикой и далек от задачи обобщенного программирования нравственно должного. Программное значение регулятивных установок владычных рекомендаций по поводу ростовщичества становится понятным в сопоставлении с близкими по времени сюжетами по данной теме. Концентрируя языковыми средствами внимание на значимости проблемы, Кирик усиливает акцент, обозначает смысловое напряжение вокруг заявленной проблемы и, кроме понятной самой по себе **ЛИХВЫ**, дополнительно подчеркивает, что речь идет о сверхмерной конфискации средств: «**НАИМЪ ДЪЛА РЕКШЕ ЛИХВЫ**».

Синонимом **лихонмания** было слово **резонмание** и варианты к нему восходящие [23, с. 138]. Этимологически термин обозначает способ отделения **ЛИХВЫ** от суммы долга с последующим ее изъятием, т. е. определение процентной ставки, расчет которой значительно колебался в зависимости от времени и обстоятельств. Русские авторы руководствовались церковным законодательством. Для нас важно, что в контексте осуждения порока резеоимание, как и лихоимание, уподобляется воровству, мздоимству, разбою и даже идолослужению. Подобное отождествление восходит к Кол. 3: 5: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение». То же самое повторяется в Григ. Нис. 6: «Другой же вид идолослужения, ибо так святой апостол нарицает любостяжание...». Уподобление неправедного стяжания идолослужителю означает, что лихоимец не может считаться христианином. На этом основании к подобным лицам предписывалось относиться как к иноверцам. В правиле «Аще двоеженец», в котором прослеживается влияние «Вопрошания» Кирика, запрет накладывался авторитетом апостола Павла, а резеоимец приравнивается к блуднику и прелюбодею.

Запрет на лихоимство четко прописан в Св. Писании, как в ветхозаветной, так и в новозаветной его частях. Однозначно эта норма

звучит в Пс. 14: 5: «Серебра своего не даде в лихву». То же повторяется в Иез. 18: 8: «...в рост не отдаст и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою...». Неправедный прибыток расценивается как уклонение от Бога: «...ты берешь рост и лихву и насилием вымогаешь корысть у ближнего твоего, а Меня забыл, говорит Господь Бог» (Иез. 22: 12). Воздержание от лихоимства увязывается также с законом милосердия на основе божественной заповеди: «Если брат твой обеднеет и придет в упадок <...>, не бери от него роста и прибыли, и бойся Бога твоего; [Я Господь], чтоб жил брат твой с тобою; серебра твоего не отдавай ему в рост и хлеба твоего не отдавай ему для получения прибыли» (Лев. 25: 33–37). Характерно, что в Ветхом Завете запрет на лихоимство ограничивается действием только в среде своего племени: «Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем...» (Втор. 23: 19–20). Та же мысль о соблюдении внутриплеменного благочестия звучит в Исх. 22: 25: «Если дашь деньги займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста». Эти национально-конфессиональные ограничения преодолеваются в Новом Завете, для которого нет ни эллина, ни иудея: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. <...> И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? Ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая...» (Лк. 6: 30–36). Нравственный максимум без ограничений на благотворительность даже с врагами и грешниками. Идеалом провозглашается безвозвратное даяние, либо допускается возврат долга, не превышающий размер займа.

Запрет на лихоимство в виде канонических правил облакает в конкретику общую установку Священного Писания, увязывая применение норм в первую очередь в отношении церковнослужителей: «Посвященные не должны давати в рост и взимати лихву, и так называемые имиолии (проценты), то есть половинный рост» (Лаод. 4). В отличие от простого запрещения ростовщических практик, Апост. 44 предписывает низвержение клириков-резоимцев из сана, если они не прекратят порочную практику: «Епископ, или пресвитер, или диа-

кон, лихвы требующий от должников, или да престанет, или да будет извержен». Аналогичная норма прописана в I Всел. 17; VI Всел. 10. Те же установки перешли в русские Кормчие книги, составленные на основе греческого церковного законодательства.

Согласно правилам допускалось, что порвавший с лихоимством человек, при условии раздачи несправедно нажитого богатства нищим, может стать церковнослужителем: «Вземлющий лихву, аще восхощет несправедную корысть истощити на нищих, и впредь от недуга любостяжания свободен быти, может принят быти в священство» (Вас. Вел. 14). Аналогичное искупление греха ростовщичества, но без привязки к поступлению в клир, допускает Григорий Нисский, который прилагает данное требование к мирянину и сетует, что священнослужителей на предмет причастности к ростовщичеству не исследуют: «Но однако сей вид греха опущен без особого рассмотрения и врачевания: отчего недуг сей умножается в церквах, и никто не испытывает приемлемых в клир, не осквернились ли они сим видом идолослужения. <...> А присвоивший себе чужое чрез тайное похищение, и потом чрез исповедь грех свой объявивший священнику, да врачует недуг упражнением противоположным своей страсти: то есть, раздаванием имения нищим, да расточив то, что имеет, покажет себя очищенным от болезни любостяжания» (Григ. Нис. 6). Специально нормы регуляции отношения мирян к лихоимству в базовых канонических постановлениях не прописаны и ограничиваются общим замечанием: «Что укоризненно в мирянах, то кольми паче тем более достойно осуждения в принадлежащих клиру» (Карф. 5).

К моменту написания Кириком своего «Вопрошания» переводные статьи канонов уже имелись на Руси в переводах. На страницах этого труда упоминается «Кормчая Иоанна Схоластика» и «Правила Иоанна Постника». Впрочем, Кирик мог непосредственно пользоваться первоначальном русским номоканоном, с которым связывают Ефремовский список пергаменной рукописи XI–XII вв. (ГИМ. Син. № 227). Этот текст опубликован. В нем в соответствии с греческими подлинниками предписывалось низвержение попов-лихоимцев из сана. В точности приводится установление апостольских правил: «**Ѹпѣъ ли по. ли дѣаконъ. лихвы проса оу занимника. ли да оставеться. ли да изверженъ боудеть**» [1, с. 71]. Та же норма неоднократно повторяется: «**Ѹпископъ, ли попъ. ли дѣаконъ. лихвы. ли**

ГЛѢМЫА СЪТЪНИЦА ПРИКМЛА. ЛИ ДА ОСТАНЕТЬСА. ЛИ ДА ИЗВЕРЖЕНЪ
БОУДЕТЬЪ» [1, с. 151] (соответствует VI Всел. 10); «ТАКО НЕ ПОДОБАЮТЪ
ЧИСТИТЕЛЬСКИМЪ ВЪЗАИМЪ ДАДАТИ. ГЛѢМЫНУХЪ ЛНУВЪ ПРИМАТИ»
[1, с. 268] (соответствует Лаод. 4). В древнейших текстах прописыва-
лись статьи об искуплении греха лихоимства раздачей неправедного
добытка, которые восходят к Вас. Вел. 14: «ЛНУВОУ ПРИКМЛАН. АЩЕ
ИЗВОЛНЪ НЕПРАВЪДНОУ ПРИОБРѢТЕННІЕ ОУБОГЫМЪ РАСТОЧИТИ. И
ПРОЧЕК ОТ НЕДОУГА СРѢБРОЛЮБИА ИЗМѢНИТИСА. ПРИЧАСТЪНЪ КЕСТЬ
ВЪ ЧИСТИТЕЛЬСТВО» [1, с. 476] (ср. из Григ. Нис. 6: «ПОДАНИА РАДИ
ИМѢНИА ОУБОГЫМЪ. ПОДАНИКЪ ТАЖ ИМАТЬ ГАВѢ БОУДЕТЬ. ОЧИЩАИ
ЛНУХОМАНИА НЕДОУГЪ» [1, с. 628]).

В отличие от Луки Жидяты и Нифонта, другой новгородский вла-
дыка — Илья-Иоанн — озвучивает угрозу применения самых суро-
вых мер в отношении клириков, соблазвившихся лихоимством. Этот
новгородский владыка был младшим современником Кирика. Кирик
(1110–1156/58) фиксировал пункты своих бесед с разными авторитет-
ными лицами, начиная по крайней мере с 40-х гг. и до 1156–1158 гг.
[8, с. 351–352]. Илья-Иоанн (1165–1186) написал окружное послание
новгородскому духовенству в первый год своего святительства, т. е.
в 1166 г. В своем «Поучении архиерейскому собору» новгородский
архиепископ самым строгим образом предупреждает о последствиях
для священников-ростовщиков: «А и аще слышу и дроугымъ попы
намъ¹ емлюще. еже сщєнічьскоумъ чинъ ѡтїноу ѡрєчено. Пише
бо въ моноканоунѣ, аже который попѣнъ. и дьяконъ. или клирикъ.
вбращетса въземлани лнхвоу. да или встанетса. или извер-
жетса. То мнѣ то оу ва съвѣдоуще. како оумъльчати. да ѡ сего
днє встанетеса того. кого ли оувѣдѣ, тѣ и кѣнъ лишѣ. и въ казни
боуде ѡ мене. Не дан бо бѣ стѣхъ ѡцѣ оуставоу попраунъ быти
нами. Намъ бо є рєно. еже сънаведѣти заповѣдї его. и са гѣ въ
єгалїи глє, възрїте на птица нєсныа тако не сѣю ни жнїю ни съви-
раю, нѣ ѡцѣ не[внїи зпїтає а]» (РГБ. Попова А.Н. № 147. Л. 176 б).
Илья-Иоанн цитирует 44-е Апостольское правило, которое озвучива-
ется как руководство к действию. В своей решимости он исходит из
того, что устав церковный не может быть попраун ни иерейским, ни
архиерейским небрежением, ибо и притч, и церковноначалие несут

¹ Правильное чтение: **намъ**.

общую ответственность за его несоблюдение. Осуждение предосудительно-скопидомного образа жизни и доктринально, и эмоционально усиливается отсылкой к заповеди Христа — не заботиться о насущном и подобно птицам небесным принимать то, что будет ниспослано свыше (Мф. 6: 26). Показательно, что на том же самом евангельском примере современник Кирика и его собеседник — автокефальный митрополит Климент Смолятич (ум. не ранее 1164 г.) — выстраивал идеал праведного нестяжания, несовместимый с извлечением лихоимных доходов: «Птица * ра̑ оучитъ на̑ лихонмства воздержатиса» [21, с. 122]. В совпадающих по своей смысловой направленности суждениях богопротивный сверхдоход от резоимства выставлен антигезой идеалу умеренности и готовности довольствоваться тем, что Бог посылает. За всем этим просматривается далеко не избыточная жизнь древнерусских священнослужителей, что объективно могло понуждать духовенство к извлечению дополнительных доходов, пусть даже неправедными средствами.

По остро-неприятной реакции новгородского архиерея на лихоимство можно составить представление о том, какие конкретно меры Илья-Иоанн намеревался предпринять в отношении священников-ростовщиков. Во-первых, он намеренно использует понятие **казнь**, которое употребляли, когда речь шла о публичной каре, или суровом возмездии. Как архиерей, владыка был облечен полномочиями согласно церковному законодательству назначить за проступок духовную меру воздействия, что в древнерусской терминологии обозначалось понятиями **вина** – **наказание**. Соответственно, и внутри Церкви наказание могло трактоваться как церковная казнь. В нашем случае, как и в общественно-значимых прецедентах для церковного суда, речь шла не об епитимии, которая налагалась на кающегося грешника индивидуально и наедине, а именно о наказании публичного свойства, превращавшего наказание в казнь. Надо полагать, Илья-Иоанн намеревался отлучать новгородских пастырей гласно перед паствой, дабы наглядным уроком клиру повысить эффект воздействия ради пресечения порока лихоимства.

Загадочной является дополнительная угроза со стороны архипастыря, намеревавшегося лишить священников-ростовщиков нажитых ими кун. Ни светским, ни церковным законодательством такая мера не предусматривалась. Согласно приводившимся выше церков-

ным правилам раздача несправедного прироста могла быть только добровольной и сопрягаться с покаянием. Здесь же идет речь о принудительном изъятии у лихоимцев денежных средств. Можно предположить, что нажитые ростовщицеством куны владыка намеревался конфисковать. Но такая форма не могла быть тождественной раздаче во искупление грехов резвоимства, да и о покаянии речи не идет. Изъятие кун скорее можно понимать как часть процедуры казни, при которой публичное низвержение из сана сопровождалось разорением любителей нечистой денежной наживы. Ясно, что «грязные» деньги не могли идти на церковные нужды, но вершивший такую казнь владыка вполне мог направить их на благотворительность, т. е. осуществить за нераскаявшихся иереев действия, предписывавшиеся правилами покаяния. Впрочем, изъятие кун могло быть вполне продуманной превентивной мерой, лишавшей отлученных иерейства возможности продолжать резвоимную практику. Таковой представляется энергичная инициатива Ильи-Иоанна по искоренению ростовщичества в среде новгородских священнослужителей.

Какая судьба ожидала низвергнутых из сана священников, лишавшихся одновременно и накоплений, и возможности к добыванию средств на жизнь? Архиерейское поучение духовенству дает ответ на такой вопрос. Отлученные иереи из христианского милосердия не брошены на произвол судьбы. В качестве компенсации Илья-Иоанн предлагал утратившим право священнодействовать иереям содержание за счет казны и собственных архиерейских средств.

В своем намерении искоренить социальное зло новгородский священник выходил за рамки принятых в подобных случаях дисциплинарных мер. Его репрессии были направлены против тех представителей клира, кто не внял предупреждениям и не исправился, порвав с порочной практикой. Илья-Иоанн демонстрировал непримиримость к лихоимству гораздо выше той, что предписывалось церковными правилами и по собственному разумению облакал духовное наказание в форму публичной казни с разорением, социально нейтрализовавшим ростовщиков. Это не только вело к установлению должного церковного порядка, но и воспитывало пастырей и паству в непримиримости к явлению как таковому.

Иногда к проблеме ростовщичества обращались одновременно представители как духовной, так и светской властей. Наглядный ма-

териал на этот счет содержит комплекс взаимосвязанных между собой документов первой четверти XII в. Вопрос о наживе за счет ссудного процента в этом столетии стоял очень остро, и важность этой проблемы была обозначена в документах общегосударственного значения за 30–50 лет до Кирика и Ильи-Иоанна.

Масштабы безнравственного стяжания лихвы за счет долговых процентов получили столь значительное распространение в разных регионах страны, что на эту тему вынужден был высказаться даже древнерусский первоиерарх. С призывом простить должников и отказать от взимания «великого реза» (т. е. ограничить взимание грабительских процентов) выступил митрополит Никифор (1104–1121). Данной проблеме он посвятил ключевой раздел «Поучения в неделю сыропустную», где риторически мастерски обыгрывалось сравнение резоимства с закланием ножом лихоимства и содержался призыв отказать от несправедливой наживы. Весь пассаж строится на динамике образного ряда, заданной аллегорией ножа лихоимства: изъятие долгов сравнивается с поеданием человеческого мяса постом; в контексте наставления тезис о необходимости прощать ближних трансформируется в увещание простить долги. Никифор настоятельно внушает пастве, что очищение от грехов постом, воздержанием и молитвами не искупает греха лихоимства, а милостыню от нечисто нажитого Бог не принимает: «никто же да не мнитъ без болѣзни очистити грѣхы, и безъ посту омыти скверны. очистилъ тѣ есть х̄с̄ кр̄щеніемъ, і омы твоѧ скверны; паки ли осквернилсѧ грѣхи. паки ли омазасѧ. паки ли огниша ти стрѣпы злобы. прослезисѧ горко восплачисѧ, воздохни. всакѹ потерпи страдѹ на земли; леганіе вѣдніе неаденіе. крѣпки мѣтвы покажи, пѣніе, мѣтвыню к нищимъ, ѿдажѹ должникѹ двѧгы; ѡще ли то не мощно. поне да великїи рѣзъ остави, еже како змѣѧ изъѣдають окалнїи оубѡгїѧ. аще ли постишисѧ; емлешн же рѣзъ на братѣ, никоеѧ же ти пользы бысть. поста бо сѧ мниши себе, а масо гадын; не маса ввчѧ, ни инѣ^х скѡ нѹ же ти повелѣно; но плоть братню. рѣжа его жилы, и закалаѧ его злымъ ножемъ лихонманіемъ, неправеднымъ мѣзды, тажъкаго рѣза. Смирисѧ, смирившасѧ тебе ради бѣѧ, даждь и до рабїѧго образа. остави всѣмъ скѡрби, оскорбившимъ тѧ. ѿдажѹ елика на нї имашн, да ти сѧ ѿдадатъ грѣси да чиста ти бѹдетъ мѣтва, и кромѣ поминанїѧ сла. аще и молитсѧ всеѧ

трѹжаетса, всѣ ачетъ. изо оустъ во зло поминающаго, бгѣ млтни не прїимаетъ. не мое слово се, но слово хѣ и бга. иже дара не прїимаетъ принесены къ цркѣи ѿ таковаго; аще не первїе со братом са смиритъ. иже и днь оучитъ ны ѿдавати грѣхопаденїа; аще во рече оставите члкомъ прегрѣшенїа ихъ, оставитъ и вамъ оцъ вашъ нбны. аще ли не оставите члкомъ прегрѣшенїа ихъ; ни оцъ вашъ нбны оставитъ вамъ прегрѣшенїа вашихъ» (РНБ. Соф. № 1147. Л. 161 а – 162 а).

Несмотря на резко негативное отношение к ростовщичеству, категорического требования полного отказа от резоимства в «Поучении» не прозвучало. Митрополит ограничивается лишь призывом проявить милосердие к заемщикам и отказаться хотя бы от «великого реза». Понимая неосуществимость полного прощения долгов займодавцами, Никифор уповает всего лишь на ослабление гнета.

Исследователи считают, что митрополичьи увещевания в адрес тех, кто взымал «великий рез», несут на себе печать обстановки в Киеве накануне антиростовщического восстания и направлены как на нейтрализацию напряженности, так и на побуждение властей исправить ситуацию. Характерно, что предлагаемые меры полностью совпадают с законодательством Мономаха. Это дает основание датировать «Поучение» временем, близким к 1113 г., когда восставшие киевляне разгромили квартал иудеев-ростовщиков, или даже как синхронную проповедь. Как духовное лицо, Никифор действует средствами морального увещевания. Формально он не заостряет внимания на проблеме лихоимства в среде церковнослужителей. Но поскольку свое назидание митрополит адресовал как мирским людям, так и всему церковному клиру, то пожелания архипастыря распространяются и на последних. С одной стороны, они должны действовать во исполнение его установок, а с другой — они могут исполнять эту обязанность только будучи чистыми от порока резоимства. Широкий адресат не исключал предостережения лицам духовного сана, но сама идея была значима не столько для простонародья, сколько для богатых верхов общества и в первую очередь для светской власти, способной контролировать тех, кто ссужал деньги в рост. Не исключено, что действие светских законодателей по умиротворению мятежных настроений предпринимались с учетом мнения высшей церковной власти на острейшую в социальном и нравственном плане проблему. Заданная

в митрополичьем «Поучении» духовно-нравственная установка, как уже отмечалось, вполне согласовывалась с юридическим ограничением реза Владимиром Мономахом, который, как и архипастырь, специально не выделил категорию тех, кто в принципе недостоин духовно-го сана. Так или иначе, но в программном плане оба текста созвучны и по справедливости рассматриваются во взаимосвязи.

По согласному мнению исследователей, появление специально закона о резоимстве было прямым следствием восстания в Киеве 1113 г., спровоцированное грабительской деятельностью ростовщиков. На следующий день после смерти 16 апреля 1113 г. киевского князя Святополка Изяславича киевляне разграбили двор тысяцкого Путаты и кварталы иудеев-ростовщиков. Погасить недовольство и снять общественное напряжение не смогла даже щедрая раздача вдовой княжеского имения монастырям, иереям и убогим. Всеобщее недовольство в городе было вызвано стяжательством и накопительством князя, который, по свидетельству «Киево-Печерского патерика», сильных притеснял, а имущество присваивал [17, с. 53]. Раздаче имения придан характер покаянного деяния. Милостыня не возымела действия. Ненависть перекинулась на княжеских приближенных, которые, как и князь, видимо, не только не ограничивали ростовщичество, но и не брезговали пускать и свои средства в оборот. Порядок водворил приглашенный на княжение знатными киевлянами и митрополитом Владимир Мономах. Одним из первых его мероприятий было издание Устава, который законодательно регулировал отношения между заимодавцами и должниками, устанавливая максимальную норму процентной ставки на заем. Устав Владимира Мономаха отдельной статьей вошел в Пространную редакцию «Русской Правды» [13, с. 97].

Ввиду сложности текста и разных версий его трактовки, мы приводим Устав с параллельным переводом на современный русский язык и вариантами других переводов:

оуставъ вѣдимѣ" всевѣднча. Володимѣръ всеволѣдичь по сѣто-
полцѣ созва дружину свою на берестовѣмь Ративора. кивьского
тысачьскго. прокпныи бѣлогородьскгв тысачьскго. станис-
лава переяславьскгв тысачьскгв. нажира. мирослава. іванка
чюдиновича шлгвва мѣжа. и оуставили до третьягв рѣза. оже

**КМЛЕТЬ ВЪ ТРЕТЬ КҰНЫ. АЖЕ КТО ВОЗМЕТЬ ДВА РѢЗА. ТО ТО КМҰ
ВЗАТИ ИСТО. ПАКИ ЛИ ВОЗМЕТЬ. ТРИ РѢЗЫ. ТО ИСТА КМҰ НЕ ВЗАТИ.
АЖЕ КТО КМЛЕТЬ ПО. Ꙗ. КҰНЪ Ꙗ ЛѢТА НА ГРИВНҰ. ТО ТОГВ НЕ ꙖМѢТА-
ТИ [24, с. 488].**

53. Устав Владимира Всеволодовича постановлял, что если кто берет деньги по третям, то имеет право два раза брать проценты и получить выданную займы сумму; если кто-либо возьмет проценты дважды, то тогда он может получить и (сами) деньги (отданные под проценты); но если возьмет проценты трижды, то (этих) денег ему не получать.

Если кто-либо взимает ежегодно по 10 кун на гривну, то это не воспрещается [24, с. 488].

Наиболее убедительное объяснение понятию «**КМЛЕТЬ ВЪ ТРЕТЬ КҰНЫ**» предложил В.О. Ключевский: «...треть в данном случае можно понимать как третий — отдавать деньги в рост на два – третий; значит, например, на каждые две гривны приходилось платить третью, т. е. 50%» [20, с. 97]. Другими словами, рез определялся в 50%, соответственно, оплата в треть составляла половину от суммы долга. Князь не был новатором, ибо размер половинного роста к долгу фигурирует в I Всел. 17. Осуждаемая в среде духовного сословия ставка половинного роста принята в светском законодательстве о резах, к тому же еще и с двухлетней рассрочкой отдачи. Количество половинных резов Мономахом ограничивалось: после получения двух резов в качестве процентов заимодаватель мог рассчитывать на возвращение суммы долга (исто), если же кредитор брал три реза на заем, то утрачивал право на получение долга. Другими словами, с должника можно было взыскивать сумму, равную размеру займа (100%), плюс сам долг. Получение 150% прибыли влекло за собой погашение долга. Характерно, что рез не отменялся великим князем совсем, а лишь ограничивался. Разбой лихоимства даже в той критической ситуации не был поставлен вне закона. Устав лишь умерял аппетиты ростовщиков. Если размер роста определялся из расчета 10 кун на гривну, равную 50 кунам, то процентная ставка определялась в 20% годовых. Судя по всему, при такой низкой ставке срок возврата долга не лимитировался и должник мог выплачивать этот незначительный рез годами, пока не погасится сумма долга (**ИСТО**).

Характер наложенных на ростовщиков ограничений становится понятен из сравнения законодательного установления Мономаха с другими, более ранними статьями о резе и лихве в «Русской Правде». Древнейшая статья о процентах в принципе не регулировала размер лихвы: «**О рѣзѣ** **Ѹже кто дакъть кѹны в рѣзѣ или наставѣ в медѣ. или жито во просѹпѣ, то послѹхи кмѹ ставити како сѧ бѹдетъ радилѣ. тако же кмѹ имати**» [22, с. 488, 493]. В системе, где господствовало натуральное хозяйство, **наставѣ**, **просѹпѣ** продуктами тождественен денежному резу и размер лихвы во всех формах регулировался исключительно договором сторон при свидетелях.

Статья 51 «Русской Правды» устанавливает третний процент: «**Ѹ мѣсѧчный рѣзѣ. оже за мало то имати кмѹ заидѹтъ ли сѧ кѹны до тогѡ же года: то дадатъ кмѹ кѹны въ третѣ а мѣсѧчный рѣзѣ погренѹти**» [22, с. 488, 493]. Здесь схема 50-процентного роста вводится в ситуациях, если должник не расплатился ежемесячным возвратом долга. Размер лихвы не оговаривается, следовательно, он мог быть весьма высоким. Краткосрочный заем под высокий процент выплатить заведомо трудно, поэтому и предусматривался перевод должника на долгосрочную схему с выплатой **въ третѣ**, к тому же с аннулированием уже внесенных, но не погасивших долг денег. Количество выплат по третнему процентному росту (т. е. 50% от долга ежегодно) никак не ограничено. При таких условиях ростовщический разбой вполне мог ввести должника в кабалу. Мономах этому лихоимному беспределу положил границы в виде фиксированного размера выплат по процентам. Регулирование расчетов по долгам способствовало смягчению антагонизма между кредиторами и заемщиками. От полного запрета на резоимство киевский князь был так же далек, как и наставлявший современников в милосердии митрополит Никифор.

Если сравнить между собой документы так называемого антиростовщического круга, то выводы будут достаточно неожиданными. Оценка ростовщичества в приведенных примерах колеблется от простого осуждения до категорического запрета и целого ряда воспитательных или даже карательных мер в отношении лихоимцев.

Подытоживая, можем констатировать, что основания для выбора разных санкций против лихоимцев были заложены уже в корпусе канонических предписаний. Согласно церковным правилам, фик-

сировавшимся в установлениях древнейшего славянского Номоканона, предписывалось либо просто прекратить небогоугодное дело (Лаод. 4), либо низвергать священников из сана, если они не прекращают заниматься лихоимством (Апост. 44; VI Всел. 10). Пути поступления бывших резеоимцев в клир не были закрыты для тех, кто искренне раскаивался в «противоестественных формах дохода» (выражение Аристотеля). Категорическое низвержение попа-лихоимца из сана, без оговорок о возможности его исправления, предписывает I Всел. 17. О ростовщичестве среди мирян в церковном законодательстве упоминается всего несколько раз. Сам порок расценивался как дело предосудительное, но категорического запрета на деятельность светских ростовщиков не прозвучало. Условием искупления греха лихоимства для духовенства и мирян определена раздача неправедно обретенного богатства нищим.

В произведениях, которые были результатом адаптации норм греческого Номоканона славянскими авторами, наблюдается несоответствие в части предписаний по противостоянию лихоимству. Рекомендации, зафиксированные в источниках домонгольского времени, значительно отличаются по степени нетерпимости к пороку и вариативности предлагаемых для его исправления мер. Получалось, что заявлявшиеся антиростовщические действия основывались на выборочном подходе к существовавшим церковным установлениям.

Обращает на себя внимание значительное количество увещаний или просто запретов на дачу денег в рост (Лука Жидята и митрополит Никифор, мягкий тон назидания которых никогда не смыкается с карами, достойными такого греха). Расходятся между собой предписания по наложению духовного наказания на лихоимцев также в епитимийниках. Разную степень строгости в оценке резеоимства и вариативность предписаний по борьбе с ним мы наблюдаем в рекомендациях Нифонта и Ильи-Иоанна.

Если Илья-Иоанн был готов пойти даже на не предусмотренные законодательством меры по искоренению ростовщичества, а лишенных за это сана разоренных попов взять на содержание в качестве церковных людей при Софии, то Нифонт не проявлял особой неприимчивости как к самому явлению ростовщичества, так и по отношению к резеоимцам из клира. Социальное зло владыка предлагал лечить не наказаниями, а увещаниями. Характерно, что какой-либо кон-

кретной меры дисциплинарного воздействия Нифонт даже не предусматривает, ограничиваясь оценкой деяния как греховного. Более того, митрополитом предлагается для ссудных операций достаточно высокий (выше установленного светским законодательством после 1113 г.) рост, а именно лихва в размере от 30% до 90% (против 20% рекомендуемой Мономахом). И это еще в его устах оценивалось как проявление милосердия (речь шла о микрокредитах, а не о крупных долговых займах, погашавшихся по механизму третины).

Призывы Нифонта и Никифора к милосердию резеоимцев не могли способствовать преодолению общественно вредного порока. Оба действовали средствами неэффективными в целях искоренения морального зла. До запрета резеоимства эти иерархи не поднялись.

Кирик понимал проблему глубже и ответственнее с учетом разразившегося в 1113 г. восстания. В «Вопрошании» он намеренно заострил проблему, когда воспроизвел заведомо заниженные требования к резеоимцам новгородского архиерея. Глубокий знаток правил, вопрошатель архиепископа понимал, что рекомендации Нифонта не отвечали принципу максимально должного, основанному на высоком христианском понятии справедливости и прямых евангельских заповедей. Затронув тему ростовщичества, Кирик поставил Нифонта в двойственное положение. С одной стороны, иерарх назвал взимание «лихвы» греховным, а с другой — смирился с практикой ростовщичества и рекомендовал воспитывать милосердие у толстосумов-лихоимцев. Создатель «Вопрошания», поднимая вопрос о лихве, очень умело показал, что близкий к имущей и властной среде иерарх занял позицию компромисса, которая далеко не во всем отвечала соборным определениям в отношении лихоимцев и прямым евангельским заповедям. Кирик поднимал моральную планку до максимума.

Сопоставляя данные исторических источников, можно видеть, как на ниве священнослужения в XII в. происходила нелегкая борьба с лихвой, а отсутствие бескомпромиссной единой линии в церковной политике не способствовало победе над этим злом. Гражданское законодательство отнюдь не являлось в этом деле подспорьем для церковных мер по пресечению зла ростовщичества. Двойственность ситуации, видимо, накладывала печать и на характер обличений лихоимства со стороны древнерусских архиереев, не проявлявших рвения к искоренению поставленного канонами вне закона социального зла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований / публ. подгот. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым, Я.Н. Шаповым, под общ. рук. Я.Н. Шапова. София: Изд-во Болгарской академии наук, 1987. Т. 2. 331 с.
- 2 *Бугров А.В.* Ссудные операции русских монастырей в XIV–XVII вв. // Вестник Банка России. 2004. № 18 (742). С. 31–35.
- 3 *Дадькина М.М.* Кабалы Спасо-Прилуцкого монастыря второй половины XVI–XVII вв. Исследование. Тексты. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 379 с.
- 4 *Дергачева И.В., Мильков В.В., Милькова С.В.* Лука Жидята. М.: Мир философии, 2016. 413 с.
- 5 *Драгункина Н.В., Приходько А.* О ростовщичестве и проценте // История экономических учений. Ответы на экзаменационные вопросы: учебное пособие для вузов. М.: Экзамен, 2005. С. 17–19.
- 6 *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв.: механизм становления крепостного права. СПб.: Изд-во Олега Обышко, 2007. 600 с.
- 7 *Лукин С.В.* Некоторые аспекты христианского нормативного учения о проценте // Проблемы современной экономики (Евразийский нетрадиционный научно-аналитический журнал). 2008. Вып. 28, № 4. С. 159–168.
- 8 *Мильков В.В., Симонов Р.А.* Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Кругъ, 2011. 537 с.
- 9 *Мюле Э.* Торговля и денежные операции в ранних новгородских берестяных грамотах (XI – первая четверть XIII в.) // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Индрик, 2003. С. 85–95.
- 10 *Пасынков А.* История ростовщичества в Российской империи. URL: <https://proza.ru/2019/12/08/1736> (дата обращения: 23.03.2021).
- 11 *Победимова Г.Л.* О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI века // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л.: Наука, 1967. С. 91–97.
- 12 *Ростиславов Д.И.* Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей // Монастырское ростовщичество на Руси. Закабаление крестьян с помощью ростовщичества. URL: <https://salik.biz/articles/60367> (дата обращения: 23.03.2021).
- 13 *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1953. 192 с.
- 14 *Целуйкина Е.С.* Долговые и кабальные записи как источник для изучения монастырских заемщиков в разгар Смутного времени (1606–1609) // Вестник ВолГУ. Серия: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 2. С. 62–76.
- 15 *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 г.). М.: Русские словари, 2000. Т. X. 432 с.
- 16 *Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000). М.: Русские словари, 2004. Т. XI. 286 с.

Источники

- 17 Древнерусские патерики / изд. подгот. Л.А. Ольшанская, С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 18 Изборник Святослава 1073 г. Факсимильное изд. / под ред. Л.П. Жуковской. М.: Книга, 1983. [266] л.
- 19 Изборник 1076 года. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. I / подгот. М.С. Мушинская, Е.А. Мишина, В.С. Гольшенко. 743 с.
- 20 *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7: Специальные курсы / [послесл. Р.А. Киреевой; коммент. составили Р.А. Киреева, В.А. Александров, В.Г. Зимина]. 508 с.
- 21 *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1892. 229 с.
- 22 Русская правда / под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л: Изд-во АН СССР, 1947. Т. II. 864 с.
- 23 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Вып. 8 / сост. Г.А. Богатова и др. 351 с.
- 24 Творения митрополита Никифора / изд. подгот. С.М. Полянским, М.Н. Грозовым; под ред. М.Н. Громова. М.: Наука, 2006. 501 с.

REFERENCES

- 1 Beneshevich, V.N. *Drevneslavianskaia kormchaia XIV titulov bez tolkovanii* [*Old Slavic Helmsman of 14th Titles without Interpretation, vol. 2*], publ. Iu.K. Begunov, I.S. Chichurov, Ia.N. Shchapov, under dir. Ia.N. Shchapov. Sofia, Bolgarskaia akademiiia nauk Publ., 1987. 331 p. (In Russian)
- 2 Bugrov, A.V. “Ssudnye operatsii russkikh monastyrei v XIV–XVII vv.” [“Loan Operations of Russian Monasteries in the 14th–17th Centuries”]. *Vestnik Banka Rossii*, no. 18 (742), 2004, pp. 31–35. (In Russian)
- 3 Dadykina, M.M. *Kabaly Spaso-Prilutskogo monastyria vtoroi poloviny XVI–XVII vv. Issledovanie. Teksty* [*Cabals of the Spaso-Prilutsky Monastery in the Second Half of the 16th–17th Centuries. Study. Texts*]. Moscow, St. Petersburg, Al’ians-Arkheo Publ., 2011. 379 p. (In Russian)
- 4 Dergacheva, I.V., Mil’kov, V.V., Mil’kova, S.V. *Luka Zhidiata* [*Luka Zhidiata*]. Moscow, Mir filosofii Publ., 2016. 413 p. (In Russian)
- 5 Dragunkina, N.V., Prikhod’ko, A. “O rostovshchichestve i protsente” [“On an Usury and Interest”]. *Istoriia ekonomicheskikh uchenii. Otvety na ekzamenatsionnye voprosy: uchebnoe posobie dlia vuzov* [*History of Economic Thought. Answers to Exam Questions: Textbook for Universities*]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005, pp. 17–19. (In Russian)
- 6 Ivanov, V.I. *Monastyri i monastyrskie krest’iane Pomor’ia v XVI–XVII vv.: mekhanizm stanovleniia krepostnogo prava* [*Monasteries and Monastic Peasants of Pomorye in the 16th–17th Centuries: the Mechanism of the Formation of Serfdom*]. St. Petersburg, Oleg Obyshko Publ., 2007. 600 p. (In Russian)

- 7 Lukin, S.V. “Nekotorye aspekty khristianskogo normativnogo ucheniia o protsentе” [“Some Aspects of the Christian Normative Doctrine of Interest”]. *Problemy sovremennoi ekonomiki (Evraziiskii netraditsionnyi nauchno-analiticheskii zhurnal)* [*Problems of Modern Economics (Eurasian Non-traditional Scientific and Analytical Journal)*], issue 28, no. 4, 2008, pp. 159–168. (In Russian)
- 8 Mil’kov, V.V., Simonov, R.A. *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel’* [Quiricus of Novgorod: Scientist and Thinker]. Moscow, Krug Publ., 2011. 537 p. (In Russian)
- 9 Miule, E. “Torgovlia i denezhnye operatsii v rannikh novgorodskikh berestianykh gramotakh (XI — pervaaia chetvert’ XIII v.)” [“Trade and Monetary Transactions in the Early Novgorod Birch Bark Letters (11th – the first quarter of the 13th Century)”]. Ianin, V.L., editor. *Berestiane gramoty: 50 let otkrytiia i izucheniia* [Birch Bark Letters: 50 Years of Discovery and Study]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 85–95. (In Russian)
- 10 Pasyнков, A. *Istoriia rostovshchichestva v Rossiiskoi imperii* [History of Usury in the Russian Empire]. Available at: <https://proza.ru/2019/12/08/1736> (Accessed 23 March 2021). (In Russian)
- 11 Pobedimova, G.L. “O nekotorykh formakh kreditovaniia krest’ian Iosifo-Volokolamskogo monastyria v pervoi polovine XVI veka” [“On Some Forms of Lending to the Peasants of Joseph-Volokolamsk Monastery in the First Half of the 16th Century”]. *Krest’ianstvo i klassovaia bor’ba v feodal’noi Rossii* [Peasantry and Class Struggle in Feudal Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1967, pp. 91–97. (In Russian)
- 12 Rostislavov, D.I. “Opyt issledovaniia ob imushchestvakh i dokhodakh nashikh monastyrei” [“Research Experience on the Property and Income of Our Monasteries”]. *Monastyrskoe rostovshchichestvo na Rusi. Zakabalenie krest’ian s pomoshch’iu rostovshchichestva* [Monastic Usury in Russia. Enslavement of Peasants with the Help of Usury]. Available at: <https://salik.biz/articles/60367> (Accessed 23 March 2021). (In Russian)
- 13 Tikhomirov, M.N. *Posobie dlia izucheniia Russkoi Pravdy* [Manual for the Study of Russian Justice]. Moscow, Moscow University Publ., 1953. 192 p. (In Russian)
- 14 Tseluikina, E.S. “Dolgovyie i kabal’nye zapisi kak istochnik dlia izucheniia monastyrskikh zaemshchikov v razgar Smutnogo vremeni (1606–1609)” [“Debt and Enslaving Records as a Source for Studying Monastic Borrowers in the Midst of Time of Troubles (1606–1609)”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History. Regional Studies. International Relationships*, vol. 24, no. 2, 2019, pp. 62–76. (In Russian)
- 15 Ianin, V.L., Zalizniak, A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 g.)* [Novgorod Letters on Birch Bark (from Excavations in 1990–1996)], vol. X. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. 432 p. (In Russian)
- 16 Ianin, V.L., Zalizniak, A.A., Gippius A.A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000)* [Novgorod Letters on Birch Bark (from Excavations in 1997–2000)], vol. XI. Moscow, Russkie slovari Publ., 2004. 286 p. (In Russian)

Информация об авторе: Владимир Владимирович Мильков (1951–2021) — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия.

Information about the author: Vladimir V. Mil'kov (1951–2021), DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya 12, bldg. 1, 109240 Moscow, Russia.

Для цитирования: Мильков В.В. Отношение к ростовщичеству на Руси // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 21 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 345–367. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-345-367>

© 2022, В.В. Мильков

For citation: Mil'kov, V.V. "Attitude to Usury in Old Russia of the 12th Century." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 21. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 345–367. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2022-21-345-367>

© 2022, Vladimir V. Milkov